

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков

УМНЫЕ ГОЛОВУШКИ

У нас в НИИ

Александр Брыксенков

Умные головушки. У нас в НИИ

«Издательские решения»

Брыксенков А.

Умные головушки. У нас в НИИ / А. Брыксенков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963579-2

Сюжетом новелл, помещённых в данном сборнике, явились реальные события, которые происходили в одном из научно-исследовательских институтов в советские времена. События эти были интересными и характерными, красочно рисовавшими научную, общественную и личную жизнь сотрудников института, что в наше деловое время должно рассматриваться с большой заинтересованностью.

ISBN 978-5-44-963579-2

© Брыксенков А.
© Издательские решения

Содержание

Ай да попа!	6
Айда в кафешку	9
Арбузный курьёз	12
Аркадий из Арзамаса	15
Ау, вернисаж	18
Ах, Ольга!	22
Бедный Стёпа	26
Возмездие	29
Голубая кровь	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Умные головушки У нас в НИИ

**Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков**

© Александр Брыксенков, 2019

© Андрей Брыксенков, 2019

ISBN 978-5-4496-3579-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ай да попа!

Осенний лист это большая гадость. Не для всех, конечно. Поэты и влюбленные балдеют от листопада. Это очень поэтично: «Роняет лес багряный свой убор...». Но для дворников опавшие листья – большая бяка. Особенно кленовые листья. Они, в условиях ленинградской сырости, так плотно прилипают к асфальту, что никакой метлой их не отодрать. Да и метел-то стало мало: в городах наметился заметный дефицит дворников. В связи с этим, возникла острая необходимость механизации уборочного процесса тротуаров и дворовых территорий. Появилась потребность в тротуаро-уборочных машинах, к созданию которых и привлекли ВНИИГормаш.

На Ольминского в серый ленинградский денек группа гормашевцев испытывала тротуаро-уборочную машину. Особенностью машины являлось то, что она должна была убирать, кроме всего прочего, опавшие листья.

Машина убирать листья отказывалась. Нет, она верхний слой листьев захватывала, а вот приасфальтовый слой – ни в какую. Сидевший за баранкой машины Миша Коган, конструктор этого подметального чуда, гонял машину на разных режимах. Он надеялся нащупать оптимальный вариант.

Барсуков и Боря Бергман, которые проводили испытание машины и таскались за ней вдоль Ольминского, никаких положительных сдвигов в работе машины не обнаруживали. Они предложили Мише закругляться и ехать в Институт: тротуароуборщик требовал доработки.

Вот в этот момент и появилась девушка. Ей было под тридцать. Симпатичная, упругая, с веселыми глазами. Обращаясь к гормашевской компании, она пропела: «Мальчики, вы наверное замерзли. Хотите я вас чаем угощу». Мальчики хотели и даже – очень.

Прошли во двор, поднялись на второй этаж, позвонили. Дверь квартиры открыла вторая девушка лет под тридцать и тоже с веселыми глазами. Барсуков понял, что он здесь лишний: «Девчонки, налейте мне грамм сто и я исчезну».

Девчонки щедро налили ему чуть ли не стакан. Барсуков выпил, закусил, пожелел обществу приятного времяпрепровождения и покинул гостеприимную квартиру.

Утром следующего дня ни Миша, ни Боря в Институте не появились. Это никого не тронуло, но когда позвонили их жены, каждая с вопросом: «Где мой муж?» (оказывается они и дома не появились), директор вызвал Барсукова:

«Рассказывайте, Алексей Георгиевич, куда вы дели наших замечательных сотрудников?»

Барсуков ничего рассказывать не стал. Он с индифферентным видом предположил, что они, скорее всего, загостили у друзей.

Выйдя от директора, старший научный сотрудник решил навестить гостеприимную квартиру. В компаньоны он взял Фиму Кейлина.

На звонок дверь открыла одна из девушек. Она имела вид медитирующей баядеры, но Барсукова узнала и пропустила визитеров в квартиру

За столом сидел Боря. Из всей одежды на нем было полотенце, брошенное на колени. На полотенце сидела девушка тоже не обремененная конфекционом. Они что-то употребляли из одной кружки.

– Вам чего, любезные?, – с вялой улыбкой поинтересовался Боря.

– Борис Зиновьевич, немедленно приводите себя в порядок и в Институт. Там директор дерммом изошел вас ожидаючи, – командным тоном изрек Барсуков.

– Действительно, пора и на работу, – согласился Бергман. – Миша, айда в душ!

Барсуков не знал, как шалуны отмазывались в семьях, но директору они объяснили, что с утра искали участок с большим количеством листьев, чтобы провести испытание тротуаро-уборочной машины в экстремальных условиях. Директор, конечно, не поверил, но ковыряться в деталях не стал.

– Эврика, Алексей Георгиевич, теперь я знаю как усовершенствовать свою машину, – заявил Коган, появившись в лаборатории.

– Интересно узнать, – откликнулся Барсуков.

– Когда мы плескались в душе с Наташкой, ну с той девушкой с Ольминского, я заметил, что ей на попу приклеился кусочек пластика (ах, какая попа!). Я попытался отодрать его. Сразу не получилось. А потом я дунул, он и отслоился (ах, какая попа!).

– Ну и какая связь между ягодицами и тротуаро-уборочной машиной?

– Между ягодицами и машиной – никакой. А вот если подать струю воздуха перед щетками, то она оторвет листья от асфальта и качество уборки сразу возрастет.

– Попробуйте. Может быть и получится. Хотя задница и асфальт – это не одно и то же.

– Конечно. Задница она и есть задница. Особенно как у Наташки. Ах, какая попа!

– Неужели лучше, чем у мисс Бум-бум?

– Однозначно лучше. У тех мисок пухлые бум-бумы накаченные, неестественные. А здесь чистая биопопа. О чем разговор.

Вращаясь среди евреев, Барсуков отметил повышенную похотливость евреев-мужчин. Еврейки, наверное, тоже любят это дело, но Барсуков с ними не контактил и поэтому не мог сказать ничего определенного. А страстность еврейских мужчин, считал он, – вполне закономерное явление. Евреи – это семиты, то есть, те же арабы, то есть – восточные люди, горячие, темпераментные, очень равнодушные к женщинам. Поэтому и восторги Миши относительно Наташкиной плоти вполне понятны.

Несмотря на усовершенствования, внесенные в конструкцию тротуаро-уборочной машины, листья подбирать она так и не научилась. Да и нужда в этом отпала после того, как ознакомились со швейцарской методикой уборки листьев.

В Швейцарии опавшие листья убирают безмашинным способом. Оператор с коробом за спиной, в котором размещен дуватель и вентилятор, подающий воздух в шланг, очень эффективно и быстро сдувает листья в кучу. Ну, а кучу убрать – это не вопрос.

Это очень хорошо, что коммунальщики обратились к передовому швейцарскому методу уборки листьев. Было бы ещё лучше, если бы наши политики присмотрелись к швейцарским порядкам, при которых Швейцария по благоденствию занимает первое место в мире.

Айда в кафешку

Это не блокада. Это случилось при госпоже Матвиенко

И кто это копошится там на длинном пролете Невского путепровода? Кто же это на пронизывающем ветру занимается какой-то чепухой? При ближайшем рассмотрении оказывается, что это не кто, а научно-инженерный персонал ВНИИгормаша. И занимается он не чепухой, а скалыванием льда как на пешеходной зоне, так и у поребриков, где льдаросло столько много, что он стал мешать проезду транспорта

Старшие научные сотрудники (и младшие тоже), ведущие инженеры (и инженеры-конструкторы тоже), лаборанты и лаборантки с ломами в руках и с инструментами в виде лома, с приваренным к его концу колуном, старательно долбили многосантиметровые ледяные наросты.

Картина представляла дикая. Страна Советов была единственной страной в мире, где люди на улицах городов скалывали лед. Во всех странах, даже самых северных, льда на улицах не бывает. Там, как только выпадет снег, его оперативно убирают. Когда наступит оттепель, то таять нечему, а когда подморозит – нечему замерзать. Вот и весь фокус. Наши широкозадые чиновники катаются по Европам, но никак не могут этот фокус разгадать.

Внизу под путепроводом ползали локомотивчики, растаскивая вагоны по многочисленным путям, рядом рычали трейлеры и фуры, в округе дымило около тридцати труб, то есть, народ производительно трудился и только институтская публика, вместо совершенствования коммунальных машин, тупо долбила лед.

К часу работу закончили. Не в смысле, что весь лед скололи, а в смысле, что устали и продрогли. Руководитель работ распустл народ по домам.

Ну, кто же пойдет домой после такой возбуждающей организм деятельности. Конечно же народ разошелся по кафешкам. Барсуков и Боря Бергман с еще двумя симпатичными им людьми оккупировали столик в «Фантазии». Наличие спиртного не соответствовало названию заведения. Фантазировать было нечем: шампанское и малага.

Квартет приуныл, но Барсуков (тертый калач) извлек из бокового кармана куртки трехсотграммовую фляжку со спиртом. Отлегло! Опростав фляжку, народ конечно же не стопорнулся, а перешел к малаге.

В конце концов собутыльники растеряли друг друга. Когда Барсуков вышел на Ивановскую, он не обнаружил рядом с собой ни Бори, ни тех двоих. Решив, что они слиняли домой, он неуверенно поковылял на «Ломоносовскую», надеясь удачно проскочить через турникет.

Только отошли от ледяной эпопеи как новый аврал. К Институту подали автобусы, в которые погрузилось более половины сотрудников ВНИИГормаша. Интеллигенцию повезли в аэропорт Пулково. Там им выдали по флажку и разместили на площадке, ограниченной красными лентами. Им надлежало, при прохождении мимо них афганского лидера, радостно размахивать флажками.

Появился лидер в сопровождении Романова и высшей ленинградской бюрократии. Гормашевцы стали размахивать флажками. Другая половина массовки, привезенная из другого института, захлопала в ладоши.

Романов распрощался с гостем, тот поднялся по трапу на борт лайнера, который тут же разбежался и взлетел в серое небо.

«Всё, – облегченно выдохнул Романов. – Оторвался». Выдохнул и покинул аэропорт. Интеллигетов распустили по домам. Ну, кто же пойдет домой после такого радостного шоу. Добравшись до города, народ разошелся по кафешкам.

Борис Зиновьевич Бергман был каким-то неправильным евреем. Если правильные евреи (как и все семиты) очень сдержанно относились к спиртному, то Борис Зиновьевич с чисто русским размахом и удовольствием прикладывался к чарке. Ему были известны все значные точки города. Барсуков знал это и поэтому, когда Боря предложил: «А, что, Алексей Георгиевич, не посетить ли нам кафе при «Европейской». Там бывает настоящая «Московская», немедленно согласился.

При слове «Московская» у Барсукова началось даже слюновыделение. Давненько не пивал он настоящей-то «Московской». В рамках этой чертовой антиалкогольной кампании с водкой стало вообще туго, а в той, что иногда и появлялась на прилавках, начисто исчез сладковатый специфический вкус и водочный запах. Водка превратилась в унылое пойло.

В кафе было людно. Но тем не менее Барсуков и Боря с двумя симпатичными им товарищами удачно пристроились в уголке. «Московская» имелась в наличии и прчем настоящая. Квартет приступил к её активному дегустированию. Он не только дегустировал но и однозначно решал как производственные, так и государственные проблемы. Решал, решал и как-то распался. Когда Барсуков вышел на Бродского, он не обнаружил рядом с собой ни Бори, ни двух собутыльников.

Решив, что они убрались домой, он неуверенно поковылял к станции «Невский проспект», надеясь удачно проскочить через турникет.

Только разобрались с афганской проблемой, как приспели выборы в Верховный Совет. О! Здесь работы хватит всему Институту. Избирательная кампания – это особая песня. Предвыборная кампания и сами выборы это был такой грандиозный государственный фейк, что двумя сторчками не отделаешься. Поэтому о выборах – в следующий раз.

Вот так и разрабатывались коммунальные машины специалистами ВНИИгормаша. Не удивительно, что качество таких машин было не очень высокое, да и новых типов машин разрабатывалось не много.

Город становился грязнее и зачуханнее. Пиком зачуханности стал год, когда Питер завалило снегом круче, чем какой-либо провинциальный городок. Машины с трудом пробивались сквозь сугробы, пешеходы боязливо продвигались по тропинкам, прбитым в метровых снеговых толщах. С крыш свисали гроздья гигантских сосулек.

Молодежь, рассматривая городские фотографии тех времен, интересовалась: «Это период блокады?»

«Нет, милые. Это период когда великим городом рулила настырная комсомолка с Волыни. Ну, не нашлось во всем пятимиллионном городе даже одного человека способного управлять Петрополем. Способного развивать и ухорашивать Северную Пальмиру».

Но это случится не скоро. А пока, во времена застоя, интеллигенция, наблюдая не очень хороший порядок в стране, лоботрясничала, посещала кафешки, оттягивалась в саунах (в рабочее время, конечно) и активно фрондировала. Она не понимала, что худой порядок лучше доброго бардака.

Арбузный курьёз

День начинался плохо. Когда Барсуков вышел из дома, то сразу же понял, что до метро придётся идти пешком: трамваи стояли аж до горизонта. И троллейбусы стояли: аварийный трамвайный вагон выехал на мостовую и заблокировал улицу. «Ну что ж. Пешком так пешком. Ничего страшного», – прокомментировал он создавшуюся обстановку и влился в поток пешеходов, бодро маршировавших в сторону станции метро.

Утренний маршрут от дома до института Барсуков преодолевал без особого душевного напряжения. А вот вечером тот же путь в обратном направлении забирал у него массу нервной энергии.

Закончив работу и топая по улочкам Невского района от института к станции метро Елизаровская, он представлял как многие его сослуживцы уже достигли своих квартир и принимают душ. А он в это время стоит на пероне и ждет переполненный пассажирами метропоезд.

В набитом усталыми тружениками вагоне метро, он предполагал, что добрые люди уже приступили к ужину и может быть даже остограммились. А он трясётся в вагоне и ему предстоит ещё пересадка.

На Площади Восстания он делал пересадку на поезд, который следовал до Девяткина. Здесь он больше ничего не представлял, а угрюмо ожидал того момента, когда состав достигнет станции Политехнический институт, где он выйдет, поднимется на поверхность и попытается с первой попытки втиснуться в троллейбус, который конечно же будет нахраписто штурмовать шептунья толпа.

С первой попытки не получилось. Только со второй. Через четыре остановки он пробился к выходу и вышел из троллейбуса на проспекте Луначарского. Перед ним через пустырьк высился шестнадцатэтажный домина, в котором он и проживал на четырнадцатом этаже. Слава богу, наконец-то добрался!

На пустырьке всегда чем-нибудь торговали. Место было очень выгодное. Народ с остановок валом валил через этот пятачок в свой родной спальный район.

Народ валил усталый, голодный, а тут на пятачке пивом торгуют. 40 копеек бутылка. Понятно, что редкий мужик пройдет мимо.

А когда продавали мороженую синюю птицу, то от женщин не было отбоя. Хотя цыплята были и сухощавыми и имели голубой оттенок, но в супе пахли вкусно, не то, что появившиеся вскоре желтоватые «ножки Буша».

Торговали на пустырьке и в этот раз, что очень удивило Барсукова. Удивило не тем, что торговали, а тем, что торговали в очень позднее время. Обычно к шести часам пятачок пустел, а тут было уже семь часов, а торговля шла вовсю.

«Чем же интересно торгуют, что такая большая очередь?», – удивился Барсуков. Продавали арбузы. В те времена арбузы были дешёвыми, вкусными, без химии, но иногда неспелыми. Барсуков немедленно пристроился в конец очереди.

Вскоре он заметил странности в торговле. Перед продавцом отсутствовал прилавок или стол, не было и весов. Парень в белом фартуке подбоасывл арбуз на руке и объявлял: «Семь кило!». Покупатель безропотно отсчитывал деньги за 7 килограммов и с вкусной покупкой спешил домой.

«Чего это он так?», – поинтересовался у народа Барсуков, кивнув на странного продавца.

Ему разъяснили, что в 6 часов приехал фургончик и забрал стол и весы: конец рабочего дня. Продавец стал убирать арбузы в ларь. Но тут народ начал напористо требовать продолжения торгового процесса.

– Как же я буду торговать, когда весов нет? – возразил продавец.

– А ты навскидку. Примерно, – ответила толпа. Продавец принялся с удовольствием жонглировать арбузами. Такой торговли Барсуков никогда в жизни не видывал.

Отоварившись якобы шестикилограммовым арбузом, Барсуков довольный направился домой, предвкушая удовольствие от поедания сочной, сладкой мякоти. Жаль, что с ним никто не разделит это удовольствие: жена в командировке, дети у бабушки.

Когда он вышел из лифта и повернул в свой коридор, он опешил. Против двери его квартиры сидел на корточках какой-то тип и что-то делал возле замка.

«Вор. Домушник!» – пронеслось в голове у Барсуков. Он не стал кричать, спрашивая: «Кто ты такой? Что здесь делаешь?» Он знал, что такие крики только подталкивают преступника к активной обороне или к агрессии.

Поэтому он тихо подошел сзади и обрушил арбуз на голову гада. Барсуков предполагал, что арбуз от удара расколется, но этого не случилось. То ли арбуз был толстокорый, то ли – незрелый. Арбуз не раскололся, а голова ворюги нырнула вниз. Он повалился на бок и растянулся на бетонном полу.

Барсуков испугался: «Вдруг убил!» Но нет, человек дышал. Барсуков растерялся: «Что делать?» Он решил вытащить пострадавшего на свежий воздух, на переходной балкон. На балконе мужику не стало лучше. Он продолжал оставаться в бессознательном состоянии.

Теперь Барсуков знал, что нужно делать. Он по телефону вызвал милицию и скорую помощь. Милицейские прибыли быстро. Барсуков им объяснил, что он вышел случайно на балкон и обнаружил там лежащего человека. Затем прибыли медики. Они привели вора в чувство и хотя сказали, что его здоровью больше ничего не угрожает, все-таки увезли с собой.

На столе красовался арбуз, но есть его Барсукову расхотелось. Однако он взял нож и ради любопытства разрезал арбуз на две части. Как он и предполагал, арбуз был незрелый, розоватый.

В это время зазвонил телефон. Барсуков поднял трубку. Звонила жена. Поинтересовались здоровьем друг друга, обменялись новостями. Об арбузном инциденте Барсуков не стал оповещать жену: чего зря волновать женщину.

В конце разговора жена сказала: «Чего я тебе позвонила-то? Я забыла сказать, что заказала в Доме быта мастера для обшивки нашей входной двери утеплительным материалом. Мастер придёт вечером сегодня или завтра, так ты никуда не уходи...»

Закончив разговор, Барсуков положил трубку и задумался: «Уж не мастера ли из Дома быта благословил я арбузом?» Он немного походил, обсасывая этот вопрос, затем решил, что такого не может быть: «Если бы это был мастер, то при нём имелся бы чемодан или ящик с инструментом и материал, а ничего этого не было»

На всякий случай Барсуков открыл входную дверь и вышел в коридор, чтобы осмотреться. При неярком свете одинокой лампочки он увидел в углу у двери импортную рулетку, а у плинтуса – блокнот и шариковую ручку.

«Все ясно, – тоскливо подытожил Барсуков. – Грабители на дело с рулетками не ходят».

Аркадий из Арзамаса

Воскресенский собор. Арзамас

Герб Арзамаса удивителен.

Во-первых, он лаконичен. Ни кровожадных зверей, ни хищных птиц, ни оружия, ни растений. Там на желтом поле две ломаные линии, и всё. Поэтому и описание герба краткое: «На золотом поле два стропила, одно из которых красное, а другое зеленое». «Стропило» – геральдическая фигура в виде шеврона.

Во-вторых, он загадочен. Никто не знает, что изображают эти ломаные линии, что они символизируют. Имеется несколько версий, на все они явно наивны. Например: красное стропило – московское войско, зеленое стропило – татарское войско. В центре щита они сходятся в битве. Явная натяжка.

В-третьих, он оригинален, т.е. не похож ни на один из городских российских гербов. Только на его щите имеются стропила. На других гербах таких гербовых фигур нет.

Даровала городу такой герб в 1781 году Екатерина II, а сочинил его известный геральдист Франциск Санти.

Понятно, что при таком удивительном гербе и жизнь в город должна была быть удивительной. И верно!

Так однажды арзамасцы поднатужились и воздвигли удивительно прекрасный, бело-снежный Воскресенский собор. Такого храма даже в областных центрах не сыщешь, ну разве что в Петербурге.

А в 1988 году взяли и одноразово взорвали 118 тонн взрывчатки (три железнодорожных вагона). Гриб встал над городом как при ядерном взрыве. Еще повезло (если уместно такое выражение при 91 погибшем), что взрыв произошел на переезде при подходе к станции Арзамас 1, а не на самой станции. Тогда погибших тысячами считали бы.

Город имеет Политехнический институт и еще шесть высших учебных заведения. И это на сто тысяч населения. Что-то арзамасцы любят избыточность. Так до революции при десяти тысячах населения высились в Арзамасе купола сорока соборов. Что явный перебор.

Когда гормашевцы, Барсуков с Вильфельдом, впервые прибыли в Арзамас они были удивлены афишами анонсировавшими «Травиату», которую местная опера ставила в клубе железнодорожников. Каково! Таким явлением ни один районный центр, да что там районный, даже многие областные центры, похвастаться не могут. Правда у оперы не было своего оркестра. На представления они приглашали музыкантов из Горького. Но все равно: «Травиата» в провинциальном городке. Это ж здорово!

Барсуков сразу же захотел посетить этот удивительный спектакль. Но не вышло: аншлаги. А школу у подезда клуба лишнего билетика не захотелось.

Уже в нынешнее время жалел Барсуков, что упустил шанс побывать на этом удивительном представлении. Все, поезд ушел. Закружили арзамаскую оперу: на неё в бюджете города денег не хватает. Это какой-то нонсенс. У коммунистов на все хватало денег, а у этих хватает денег только на личные дворцы и яхты.

Пара сотрудников Гормаша прибыла в Арзамас по делу. Местный Коммаш, совместно с институтом, выпустил новую машину, но никак не мог представить её к аттестации на Знак качества. Уж очень шумела машина. Она выдавала децибеллы на три единицы выше гостовского значения. Главным источником шума был насосный агрегат.

В институте решили, что для начала нужно попробовать простые способы для уменьшения шума: кожан-футляр из пенопласта и толстую резиновую прокладку между опорами насосной установки и шасси. Вот для апробации этого способа и прибыли в Арзамас сотрудники института.

Командировка затягивалась. Пенопласт и резина снизили уровень шума на две единицы, но с одним децибеллом нужно было ещё бороться. Предстояло лезть в нутрянку установки.

У командированных образовалось много свободного времени. Решили использовать его с пользой для интеллекта. В Арзамасе уважали Аркадия Гайдара. Его имя носили следующие объекты: улица, школа, городской парк, библиотека, Педагогический институт, городские пруды.. Сохранился дом, где он провел свое детство и откуда ушел на Гражданскую войну. В городе установлен памятник писателю. Существует музей Гайдара.

Вот в этот-то музей и отпаравились однажды утром наши гормашевцы. Правда Саша Вильфельд шел с неохотой: ну что там может быть интересного. Однако Барсуков его уговорил.

Музей посетили не зря. Ну, что знал Барсуков о Гайдаре? Воевал в Гражданскую, написал несколько детских книг, погиб в начале Отечественной, воюя в партизанском отряде. И всё, пожалуй. А, оказалось...

Из всего того, что рассказала экскурсовод о жизни и творчестве Аркадия Гайдара, Барсуков был больше всего удивлен неприязнью к писателю и даже злобой его коллег и редакторов. С 1935 года не вышло ни одной книги, которая не подвергалась бы острейшим нападениям. Завидовали, наверное.

За «Военную тайну» его обвинили в «идейных шатаниях». «Голубую чашку» встретили злобой критикой. Н. Крупская запретила печатать рассказ. После появления в газете первых

глав «Судьбы барабанщика» повесть была запрещена. Книги писателя изъяли из библиотек и сожгли. Когда «Пионерская правда» напечатала первые главы «Тимура и его команды», посыпались доносы. Повесть была запрещена. Писателя обвиняли в попытке подмены деятельности пионерской организации подпольным детским движением. Крепко запахло арестом. Но книгу прочел тов. Сталин. Вождю книга понравилась.

А немца Вильфельда поразила военная деятельность Гайдара: «Настоящий боец. Истинный тевтонский дух. Это же надо: после ранений, контузии, полностью комиссованный и добровольно на фронт, защищать родину».

А еще экскурсовод поведала, что нынешние Гайдарыши – не кровные родственники Гайдара, а самозванцы. Что Тимур, сын Руве-Лии Лазаревны Соломянской, на которой женился Гайдар, не родной его сын, а приемный. В общем, просветились.

С шумом машины управились, привели в соответствие с ГОСТом. Успешное завершение командировки решили отметить. Тем более, что у Вильфельда объявился день рождения.

Поскольку денег к концу командировки осталось с гулькин нос, то отмечание решили провести не в ресторане, а «по-домашнему» в гостиничном номере. Купили водки, пошли в гастроном за закуской. Пошли и, как положено в Арзамасе, в очередной раз удивились. Ни колбас, ни ветчины, ни сосисек и вообще ничего мясного, как и самого мяса, в продаже не было. Отсутствовал и сыр.

Из закуси имелась в наличие квашенная капуста, соленые огурцы, тощая селедка, да килька в томате. Полки уставлены были бутылками с березовым соком. Не от того ли: «И родина щедро поили меня березовым соком, березовым соком».

Отоварились тем, что бог послал, добавили кое-что из ресторанной кухни и приступили к отмечанию.

От Арзамаса у гормашевцев осталось хорошее впечатление. И люди доброжелательные, и завод современный, и город культурный. Вот только, правда, с мясом не фонтан. Но наверняка арзамасцы справятся с этой ненормальностью и все будет очень хорошо.

Справились! Подняли цены на мясо и мясные продукты в сто раз, вот и наступило мясное изобилие. И на сыр подняли, да на все. И получилось, что если в Союзе было на что купить, да нечего, то в РФ – есть что купить, да не на что. Даже не знаешь, что и лучше. Наверное, хрен редьки не слаще.

Ау, вернисаж

Осень. Худ. Б. М. Кустодиев

Валю, работницу районной продуктовой базы, прислали во ВНИИгормаш на перевоспитание. Тогда было модно проштрафившихся работников сферы торговли и услуг подвергать положительному воздействию трудовых коллективов промышленных предприятий.

Конечно, все понимали, что это никакое не перевоспитание, а наказание за какие-то мелкие неподсудные проступки, наказание, которое осуществлялось путем болезненного отрыва виновного от кормушки. Вот и Валю оторвали от её сыров, масел и колбас и на три месяца определили лаборанткой с окладом в 100 рублей в лабораторию машин уборки городских территорий.

Свое вливание в трудовой коллектив Валя обставила очень мило. Она в конце рабочего дня выставила четыре бутылки столичной и две палки краковской колбасы, пригласив трудящихся угоститься, чем бог послал. Трудящиеся одобрительно загудели и полезли в свои столы доставать стаканы, кружки.

Валя водку не пила: «Сердце». Она откупила «жигулевское» и, чёкаясь с новыми коллегам бутылкой, постепенно осушила её прямо из горла, а затем и вторую: «Страсть люблю пиво». Наверное, от любви к пиву была она немного полноватая, что нисколько не умаляло её привлекательности.

Завлаб поручил новой сотруднице разобрать по годам и сброшюровать груды документации и чертежей, скопившихся на полках трех обширных шкафов. Регулярно прикладываясь к пивной бутылке, Валя с отвращением копалась в пыльных бумагах. Как солдат считает дни

до приказа, так и она считала дни, оставшиеся до её возвращения на базу, делая фломастером соответствующие отметки на дверце одного из шкафов.

Через какое-то время женщины заметили, что Валя перестала делать отметки на дверце. Вернее, они сначала заметили, что Валя положила глаз на старшего научного сотрудника Сашу Вильфельда, а уж потом обратили внимание на охлаждение Вали к процессу подсчета проведенных ею в Гормаше дней.

Как Валя ни мелькала перед Сашей, как ни заигрывала – он её не замечал. Тогда она перешла к следующей степени охмурения: нечаянно касалась своей кормой его локтей, склоняясь над ним, клала грудь на его плечо, просила поддержать её когда взлезала на стул, чтобы достать бумаги с верхней полки. Но и эти потуги были безрезультатны. Однако, несмотря на неудачи, Валя решила идти дальше.

Вильфельд был серьёзен, замкнут, ответственен. Все задания выполнял в срок с хорошим качеством. Отличался вежливостью и предупредительностью. Короче, не какой-нибудь там вертопрах или недотёпа, а очень даже порядочный, степенный мужчина.

И все бы хорошо, но все эти положительные качества испарялись при воздействии на психику Вильфельда алкоголя. После принятия внутрь 150—200 граммов водки в Александре Павловиче просыпался то ли прусский, то ли тевтонский дух (Саша был этническим немцем) и он начинал командовать, наводить порядок, вырубать в актовом зале радиолу (сильно орет!), метать в окно граммофонные пластинки (устарели!). Иногда он огребал по шее, но чаще всего его удавалось спроводить домой, используя дежурную машину.

Совершая свои командирские действия, Саша разогревался и снимал пиджак, а убывая домой забывал его надеть. Поэтому следующее утро после праздников начиналось для него с поиска пиджака. В ходе обхода лабораторий и цехов пропажа находилась, однако в этот раз, после празднования очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, пиджак исчез.

Вильфельд сильно загоревал. Он знал, что за утерю пиджака получит от супруги добрый нагоняй, да и пиджака жаль. Саша сидел за своим столом и тихо печалился.

– Что-то вы загрустили, Александр Павлович? Случилось что? – подъехала к нему Валя.

– Да вот, – засмутился Вильфельд, – пиджак куда-то делся. Вчера оставил его в лаборатории, а сегодня его уже и нет.

– А вы хорошо его искали?

– Да уж лучше некуда.

– Ладно. Попробую я поискать. Только я не помню какого он цвета.

– Коричневый

И пустилась Валя в поиски. Хотя, чего искать-то, когда она его сама вчера положила в шкаф и прикрыла бумагами.

Когда народ пришел с обеденного перерыва, Валя торжественно вручила Вильфельду его пиджак. В честь такого радостного события Валя предложила Саше распить по бутылочке пива. Ну кто же от пива откажется?

За пивом парочка разговорилась. В разговоре открылись многие интересные моменты. Получалось, что Валя, как и Саша, большая поклонница Маяковского, в доказательство чего на её столе уже на следующий день появился томик поэта. И в оценке живописи души их оказались родственными: оба любили Врубеля.

Из всех картин Врубеля Валя помнила лишь одного «Демона», но это не мешало ей рассуждать о перламутрных переливах, о насыщенном колорите, о безумных глазах.

Вильфельд поддакивал ей:

– Вы правы. Действительно у персонажей его картин очень необычные глаза. И у Пана, и у Богатыря, и у Гадалки, и даже у Царевны Лебедь.

– И вообще мне все передвижники очень нравятся, – заявила Валя.

И хотя Врубель не входил в число членов Товарищества передвижных художественных выставок и вообще относился к передвижникам критически, называя их публицистами, Вильфельд на заявление Вали отозвался одобрителем киванием головы:

– Да среди передвижников было много талантливых художников.

После второй бутылки Вильфельд, как-то спонтанно, не просчитав последствия, пригласил Валию на субботу в Русский музей осмотреть недавно открывшуюся выставку «всего Кустодиева».

Валя ликовала: «Лед тронулся!!!»

Чем ближе были выходные, тем больше Саша дергался: как объяснить жене, что ему нужно в субботу отлучиться из дома часа на четыре. Наконец в пятницу он со всей своей немецкой прямоотой огорошил супругу:

– Тома, я завтра отлучусь не на долго. Мне нужно от сотрудницы получить важные документы.

– Саша, – изумилась жена, – что за агентурные встречи. Неужели твоя сотрудница не может это сделать в понедельник, на работе?

– Понимаешь, шеф неожиданно поручил мне сделать доклад на совете, – начал выкручиваться Саша, – а материалы, нужные для подготовки доклада, у сотрудницы. Она взяла их на дом. Для обработки.

– Ну, дела! И где же вы встречаетесь?

– У Русского музея, – не подумав, выпалил Саша.

– О! И я с тобой. Там открылась интересная выставка, Представляешь, почти весь Кустодиев. Когда еще такое случится.

И она стала щебетать о подвижничестве художника, который из-за тяжелой болезни писал свои картины лёжа на спине. Жена щебетала, а Саша мучительно искал выход из сложившейся ситуации. Жену от принятого ею решения не отговоришь, разве что путём капитального скандала, а это совсем ни к чему. Позвонить бы Вале, предупредить. Так он не знал номер её телефона.

Конечно, можно было вообще не пойти на встречу. Так Валя будет в шоке.

«Хотя появление Томки в паре со мной её тоже не обрадует», – подумал Саша.

В конце концов он фатально, не по-мужски решил: «Будь, что будет».

А было вот что. Когда Валя увидела Сашу с женой, она поняла, что рыбка сорвалась с крючка. Саша представил женщин друг другу. Обе, на подавая рук, отделались кивком головы.

– Саша, ты отойди на минуточку, – обратилась к мужу Тома, – мы с Валею поболтаем немножко.

Когда через некоторое время Саша встретился с женой, он удивился:

– А Валя где?

– Она сказала, что передаст тебе документацию в понедельник. Не горит. А сумка с документами будет тебе помехой в музее. Ну что ж, Сашенька, пойдем наслаждаться искусством.

С этих пор кустодиевские снега, кустодиевские пышные женщины стали нелюбимы Вильфельдом. Они напоминали Саше о его мужском позоре.

Мужчины, при своих походах налево будьте предусмотрительны! Жены бдят.

Ах, Ольга!

Река Оредеж

Они сидели перед могилкой, где была похоронена «...Сашенька ангельская ду (ша)...». Так было выбито на серой каменной плите, которая почти полностью ушла в землю. Там имелось еще много букв, но они были совершенно нечитабельные. Время и климат съели текст, поэтому имелаась неясность: Сашенька – мальчик или девочка. Посещавшие могилку мужики почему-то считали, что под плитой похоронена девочка.

Цель посещения всегда была одна – раздавить пузырь. Уж очень удобное место. Во-первых, – уединенность: могилу с трех сторон окружали заросли сирени. Во-вторых, – комфортность: плита использовалась как стол, а сиденьями служили остатки каменных скамей. В-третьих, – эстетичность: от могилки, с возвышенности открывался шикарный вид на реку Оредеж и на заречные дали.

Никакого святотатства или профанации не происходило. Наоборот. Первый стакан поднимался за упокой Сашенькиной души, выпалывались сорняки, соскабливался мох с каменной плиты. Мужики уверяли, что они ощущают Сашенькино благоволение за то, что посещают место её упокоения и ухаживают за могилкой. Врали, конечно.

Итак, они сидели перед могилкой. Они – это гормашевцы: Барсуков и еще два сотрудника из лаборатории снегоуборочных машин. Они допивали вторую бутылку портвейна (водка в сельской лавке не продавалась) и обсуждали событие, которое приключилось в их коллективе, прибывшим в подшефный совхоз на уборку картофеля.

Надо сказать, что гормашевский десант в количестве двадцати человек каждый год трудился в совхозе с мая по октябрь. Трудился по-сменно, по месяцу. Жили «десантники» в бывшей школе, деревянное здание которой располагалось в ста метрах от Сашенькиной могилки перед огромным барским парком.

Раньше-то на месте школы стоял двухэтажный дом с колоннами принадлежавший, как и все окрестные земли, Свиридовым, дальним родственникам Пушкиных. В семнадцатом году мужики дом спалили. Дом спалили, а парк остался. Он разросся, одичал и превратился в романтический приют для молодых «десантников» и «десантниц».

Школьное здание имело четыре больших помещения (бывшие классы). В одном жили мужчины, в другом – женщины, в третьем была столовая, в четвертом – кухня.

Пересменка прошла вчера. Отработавшие месяц гормацевцы убыли в Ленинград, а вновь прибывшие стали обживаться и готовить стол для проведения привальной.

Привальная протекала стандартно: водка, шашлык, свежие овощи, накатанные тосты. Подошло время поднять стаканы за милых дам. Слово взял заводило и шутник Мишка Огурцовский:

– Друзья, пить сразу за всех милых дам – пошло. Я предлагаю выпить за каждую прекрасную даму персонально!

– Ура! – одобрило застолье

– И не только выпить, – продолжил Огурцовский, – а перед тостом исполнить отрывок из песни, где есть имя тоскуемой.

– Ура, – как-то не очень уверенно прогудело застолье.

– Пойдем по кругу. Первая милая дама у нас – Любовь Петровна. Кто знает песню, где было бы её имя?

Народ задумался. Кто-то предложил: «Люба, Любушка. Любушка-голубушка». Песню отвергли так как молодежь не знала слов. Тут поднялся очень пьяный Слава-программист:

– В честь прекрасной Любви Петровны исполняется прекрасная песня.
После паузы он ото всей души исторг:

– Любовь нечаянно нагрянет.

Застолье с восторгом подхватило:

– Когда её совсем не ждешь.

И каждый вечер сразу станет

Удивительно хорош...

Любовь Петровна просто расцвела.

Следующей по кругу была Ниночка, вертлявая хохотушка. Здесь с песней трудностей не было. Почти сразу и почти хором застолье загудело:

– Нинка, как картинка, с фраером гребет...

Ниночка долго смеялась.

Затем пришел черед Оленьке. Она сидела отрешенно, как на воздушях: у нею была любовь. Её обоже силел рядом с ней и тоже млел. Но тут огурцовский проект начал давать трещину: песня с именем Оля никак не вспоминалась. «Ах васильки, васильки...» отклонили: не в масть, там про убийство. Положение спас Барсуков. Он поднялся с сидения, принял позу Ленского и выдал:

– Ах! Ольга, я тебя любил...

Народ не подкачал и подхватил:

– Тебе единой посвятил

Рассвет печальной жизни бурной...

Дальше певцы не знал ни слов, ни мелодии, но все равно Оленька была растрогана и даже разругалась.

Только собрались с силами, чтобы прославить четвертую милую даму, как инженер-конструктор Сизов заорал:

– Люди, я знаю частушку про Оленьку. Хотите спою? Только она неприличная.

– Валяй, мы чай не дети, – отреагировало пьяное сообщество.

И Сизов выдал широкоизвестный, похабный стишок, который и в литературном-то оформлении выглядел неприлично («Позанимаемся сексом, Оленька, пока на лобке не вырос пушок»), а в оригинальном звучании – полный атас.

Застолье поскучнело. Оленька побледнела. Оленькин обоже решил, что его Дульцинею оскорбили. Он встал и решительно направился к Сизову. Между ними завязалась драка.

Драчунов быстро разняли, заставили помириться, но нестроение было испорчено. Все стали по-тихоньку расходиться по своим койкам.

Однако этим дело не кончилось. Когда Сизов, покулив перед сном на улице, зашел в прихожую, он получил от Оленькиного обоже удар поленом по голове. Хорошо, что удар был не сильный. Сизов отделался шишкой.

Вот именно эти события и обсуждали три гормашевца у Сашенькиной могилки. Они решили, что буяна нужно отправить в Ленинград. Но они со своим решением опоздали. Руководитель группы уже спровадил драчливого товарища домой, посоветовав по прибытии в Институт написать заявление «по собственному желанию». Вместе с драчливым товарищем уехала и Оленька.

Мишка Огурцовский весь испереживался: «Это все из-за меня. Не предложи я эту дурь, все было бы нормально».

Его успокаивали: «Брось расстраиваться. Хорошая придумка. В следующий раз нужно про мужчин попеть».

Вступая в разговор, Слава-программист заметил: «А мне все равно. На мое имя нет ни одной песни».

Огурцовский: «Как нет! А, эта:

Слава впередсмотрящему,

Слава вперед идущему...»

Все рассмеялись

Бедный Стёпа

Это случилось давно. Ещё во времена Берии. Может быть и раньше, а Берия лишь подхватил эстафету. Но это не важно.

Важно то, что в то время Сталин и Трумен сжимали в своих нервно дрожащих кулачках по атомной бомбе, ожидая подходящего момента, чтобы от души садануть по своему бывшему союзнику.

Лобастые ребята из Академии наук доходчиво объяснили товарищу Сталину, что после взаимных атомных ударов большинство людей погибнет, а оставшиеся в живых будут больны и убоги. И развитие человечества начнется вновь с каменного топора. Это вождю не понравилось. Не понравилось, но бомбочку он не сдал на склад. Вместо этого он крепко задумался.

Задумываться товарищ Сталин умел. А тут ещё и антураж: душистый думок из трубки, портрет Ленина, спокойный кабинет, вид на Ивана Великого. И получилась у Кормчего славная задумка. Решил он надёжно укрыть от возможного ядерного пожара лучших представителей советской науки, искусства, литературы.

Вот тут-то и появился Берия. Деятельный Лаврентий Павлович кроме множества своих положительных качеств был хорош и тем, что быстро и добротнo выполнял любые поручения Председателя Совета министров. И, вообще, как Нарком внутренних дел он своё дело знал. Достаточно сказать, что пограничные войска, которыми он руководил, единственные из Сухопутных сил встретили войну в полной боевой готовности и держали границу до последнего пограничника.

Ему-то и поручил Иосиф Виссарионович проверить дело сохранения интеллектуального фонда страны. В личной беседе с Берия, которая проходила в кремлёвском кабинете, Сталин обратил внимание на срочность работы, поскольку время не ждёт.

Не прошло и недели после этой беседы, как в глухом углу Тихвинского района начались грандиозные мелиоративные работы. Под прикрытием этих работ полным ходом пошло строительства мощного подземного сооружения, которому дали кодовое название «Укрытие» (подробности смотри в работе А. Г. Брыксенкова «Красная омега»).

Когда «Укрытие» было готово, его стали заполнять известнейшие люди страны. Чтобы не вызвать внимания Запада, эти известнейшие люди изымались из обычной жизни путём арестов. Их обвиняли в шпионаже, сионизме, во вредительстве. Поскольку аресты в Сталинскую эпоху являлись банальной операцией, то исчезновение элиты советской науки и культуры никого не напрягло.

Учёные, внезапно оказавшись в подземелье, баклуши там не били. Они плодотворно трудились каждый в своей области и добивались очень серьёзных результатов. Особенно удивляли руководство «Укрытия» и самого Берия достижения так называемых футурологов. Эта удивительная, состоявшая из двенадцати человек, группа делала открытие за открытием. Для неё загадки Бермудского треугольника, тайны Тунгусского метеорита, непонятки с летающими тарелками были никакими ни загадками, ни тайнами, ни непонятками. Среди этой группы особо

выделялась задумчивая компания из трёх человек, которая создала фантастическое устройство, прогнозирующее будущее.

Когда об этом устройстве доложили Сталину, он пожелал апробировать такую «удивительную штуку». Он пожелал, чтобы «штука» ответила ему на вопрос: «Что будет с СССР и с Парижем в 2000-ом году?»

Уникальное устройство поднадулось, обрабатывая массу информации, и после пяти часов жужжания выдало ответ: «С 1992 года не будет СССР. С 1992 года не будет КПСС. С 1992 года не будет Советской власти.»

Прочитав ответ, Сталин рассмеялся и приказал товарищу Берия присмотреться к «этим шарлатанам». Берия присмотрелся. Авторы устройства оказались махровыми антисоветчиками, шпионами и диверсантами и были расстреляны на солнечной полянке Вепского леса, рядом с «Укрытием», а их футуристическое устройство – уничтожено.

Перед уничтожением устройства Степан Сергеев, молодой, но очень талантливый инженер, успел изъять и спрятать в своём хозяйстве самый важный элемент устройства – его мозг.

Не долго томились учёные под землёй. В 1953 году умер И.В.Сталин. Не на много пережил его и Л.П.Берия. Его как английского шпиона коцнул дорогой наш Никита Сергеевич. В шпионство Берии никто не верил. А пострадал он потому, что много знал о художествах Хрущёва в период «Большого террора». Много знать вредно.

При Хрущёве, объявившим борьбу за мир, международная обстановка стала более спокойной, чем при Сталине и шарашку под ником «Укрытие» закрыли. Учёных выпустили и трудоустроили в соответствии с их желаниями.

Степан Сергеев пожелал трудиться в совершенно непрестижном институте, занимавшимся разработкой машин для уборки городских территорий (ВНИИГормаш). Этот институт он выбрал, полагая, что в нём будет способнее и безопаснее заняться восстановлением уничтоженной футуристической машины. Чтобы к нему особенно не цеплялись, он решил косить под психа.

Это он правильно решил. Ему действительно никто не мешал заниматься какой-то чепухой. Главное – псих не бузил и был при деле.

Постепенно Сергеев восстановил футуристическое устройство. После массы доработок и долгой регулировки машина стала наконец толково отвечать на заданные ей вопросы.

Например:

Вопрос: «Кто есть Сталин?»

Машина: «Великий вождь советского народа»

Вопрос: «Что есть Великая отечественная война?»

Машина: «Вооружённая защита социализма от атаки мирового капитала».

Сергеев выходил на пенсию в 1982 году, поэтому ему было очень интересно знать об обстановке в стране к этому времени. Чтобы утолить свой интерес он обратился к машине и спросил её: «Что ожидает СССР в восьмидесятые годы?». Машина, особо не задумываясь,

предрекла Союзу крупные негативные сдвиги. Когда в восьмидесятые в стране действительно разразилась сумбурная Перестройка, Сергеев поверил в машину и, слегка усовершенствовав её, зада машине почти сталинский вопрос: " Каков будет 2000 году?»

Ответ машины ошеломил Сергеева. Из ответа следовало, что власть в России будет принадлежать богатым, что в правительстве и в парламенте будут заседать миллионеры, что рабочие и крестьяне обнищают, что все услуги, что были бесплатными при коммунистах, станут платными.

В своём ошеломлении Сергеев заподозрил машину в шарлатанстве и стал её дорабатывать и совершенствовать. Но машина упрямо настаивала на своём. Вот тут-то Сергеев стал действительно потихоньку сходить с ума.

Он стал изобретать аннигиляционную трубку, испускающую луч, который мгновенно превращал бы в ничто любого человека (подробности смотри в работе А.Г.Брыксенкова «Спасибо психам»). Он намеревался с помощью этой трубки тихо и бесследно ликвидировать тех, кто попытается уничтожить Советскую власть.

В конце конов Стёпу поместили в психиатрическую больницу и аннигиляционной трубки не случилось. А жаль..

Действительно, примени Стёпа свою трубку против Горбачёва, Ельцина, Яковлева, Шеварнадзе и ещё против кой-кого, глядишь и не было бы олигархов. Хотя вопрос спорный. Дело в том, что народу наскучило строить коммунизм, и он очень хотел и ждал перемен. Вот и дождался!

Возмездие

Это было самое встрёпанное время в истории СССР.

С одной стороны страна безостановочно скатывалась в яму капитализма. Повсеместно пооткрывались кооперативные магазины, появились частные предприятия типа автостоянок, различных мастерских по ремонту бытовой техники; возникли шиномонтажные боксы, авторемонтные заводишки, частные кафе и т. п.

А с другой стороны общественная и производственная жизнь продолжала по инерции существовать в рамках советских законов и традиций, т.е. спускались планы, проводились партсобрания, брались социалистические обязательства, осуществлялось шефство промышленных и научных предприятий над колхозами и совхозами и т. п.

ВНИИгормаш шефствовал над совхозом в Лужском районе. Угодья совхоза размещались по берегам тихой и красивой речки Оредеж. Шефство института заключалось в том, что его инженеры и научные сотрудники в течение лета и начала осени помогали совхозникам на сенокосе и в уборке урожая (картофель, корнеплоды, кукуруза).

Сегодня, в пятницу, совхоз покидала последняя смена. Пасмурным осенним денёчком, гормашевцы, еще не совсем отошедшие от вчерашней отвальной, загружали в институтский «Икарус» свою деревенскую добычу.

В багажный отсек автобуса складировались вёдра с солёными грибами, кутули и корзинки с клюквой и брусникой, мешки с картошкой, купленной по дешёвке у местных жителей.

Закончив погрузку, народ комфортабельно разместился в автобусе, который, трубно просигналив, тронулся в сторону Ленинграда.

На пол пути до Ленинграда «Икарус» резко замедлил ход, а затем свернул на обочину и остановился. Водитель вылез из кабины и стал ковыряться в двигателе. Что-то там забарахлило. Разношерстная публика высыпала из автобуса, чтобы поразмяться ну и нужду справить. Лес же вокруг.

Народ углубился в лес руководствуясь старинным правилом: девочки направо, мальчики налево. А Танечка Белова и Гриша Райский не стали следовать старинному правилу. Они прошли далеко вперед и только после этого тоже скрылись в лесу.

Танечка и Гриша были значимыми персонами. Весь институт с умилением наблюдал как ярко и красиво развивалась их любовь. Они уже не мыслили жизни друг без друга. Они уже решили пожениться.

Будучи в совхозе, молодые люди постоянно уединялись в зарослях запущенного графского парка, иногда даже в рабочее время. Народ с пониманием относился к таким вольностям, снисходительно оправдывая молодых: «Любовь!»

Вот и теперь, воспользовавшись непредвиденной остановкой, Танечка и Гриша отошли подальше и углубились в лес.

Вволю науглублявшись влюбленные вышли из леса к шоссе и к своему удивлению не увидели «Икаруса». Там где он стоял ещё дымились на земле окурки сигарет.

– Не дождались! Ну, гады! – отреагировал Гриша.

Танечка предположила:

– Они наверное решили, что мы уехали на попутке.

– И, что теперь нам делать?

– Как что? Голосовать!.

Предложение было нормальным. Это в будущие либеральные времена голосуй не голосуй никто не остановится. А при социализме-то голосующего обязательно подбирали..

Уазик тормознул перед Танечкой, стоявшей на обочине с поднятой рукой. Открылась дверца. Выпрыгнули два парня. Они помогли девушке подняться в салон: «Проходи, красавица!»

Затем Грише: «А ты, козёл, жди следующую машину!»

Последовал прямой в челюсть. За ним еще ряд ударов. Обмякший Гриша опустился на землю. Нападавшие оттащили его в кювет: Добавили для гарантии ещё. Один из них бросил: «Пусть полежит. Через час оклемается.» Тогда ещё не было моды добивать противника.

Парни вернулись в уазик, Водила влез в кабину и автобус рванул с места. Иногда он останавливался: водила тоже хотел пообщаться с красивой ленинградкой.

Миновав Среднюю рогатку, уазик свернул на поперечную улицу и остановился. Из машины вывели Танечку: «Иди прямо сто шагов. Не оборачивайся!»

Танечка побрела по пустынной вечерней улице.

В субботу, рано утром, несчастные влюблённые созвонились и встретились. Доложив друг другу свои злоключения, они решили: о случившемся никому ни гу-гу. И в милицию не обращаться, пустой номер: свидетелей нет, улики Танечка тщательно смыла под душем.

Через несколько дней они встретились вновь и пустились в длительные разговоры. Беседовали молодые люди на серьёзную тему. Они разрабатывали операцию по наказанию негодяев. Дело в том, что Танечке удалось запомнить номер злосчастного уазика и через своего родственника, который был какой-то шишкой в ГАИ, выявить личность владельца машины, а затем и личности остальных подонков. Все они трудились в шиномонтажной шарашке на Тихорецкой (водила был хозяином этого предприятия).

Тёмной ночью Гриша подъехал на велосипеде к этой шарашке. Облил стены её бензином из пластмассовой фляги и поджёг.

Следующим ходом акции возмездия был подрыв квартир шиномонтажников. Теперь Гриша все свободное время изучал рекомендации по изготовлению взрывных устройств.

Когда Танечка узнала о террористических намерениях Гриши, она прям взвилась:

– Не смей! Ты что! Из-за взрывов милиция на уши встанет. Тебя вмиг вычислят А взрывы могут и невинных задеть. Ни-ни-ни! Придумай что-нибудь другое.

– А, что можно ещё придумать? Драться один на один с этой поганью я не собираюсь. Их нужно просто давить!

– Думай. Ты мужчина

И Гриша придумал. Технология придумки было проста. Удар отрезком толстого кабеля по голове, когда клиент рухнет – удар по яйцам. В течение месяца Гриша успешно отоварил двух говнюков. Водила же, испугавшись возмездия, сменил место жительства и растворился в городе. Однако Гриша был уверен, что когда-нибудь он его встретит.

Всё это происходило при мерзком социализме. В теперешние-то светлые, либеральные времена всё было бы проще: пришили бы девушку в уазике и вышвырнули в кювет. И все дела.

А до выхода фильма Говорухина «Ворошиловский стрелок» оставалось ещё девять лет. Раньше нужно было бы известному режиссёру создавать своё пособие! Жизнь того требовала.

Голубая кровь

Тротуароуборочная машина

Сергуня Ленский был видным детиной с симпатичной мордахой. Вернее не с симпатичной мордахой, а с породистой физиономией. И это (наличие породистости) было не удивительно. Текла в Сергуне кровь князей Оболенских.

Молодой офицер Владимир Оболенский, один из многочисленных отпрысков старинного княжеского рода, обрюхатил горничную своей матушки. Тривиальная история. Нетривиальным было отношение княжеской семьи к падшей девушке.

Родившегося малыша и его маму Оболенские всячески поддерживали, а когда мальчик подрос, он был под традиционно укороченной княжеской фамилией (Ленский) определён в Петергофскую школу прапорщиков.

После окончания школы Пётр Ленский на фронт не попал, так как был уволен со службы по причине потери на учебных стрельбах двух пальцев на правой руке. После революции он стал, как выходец из служащих и инвалидов империалистической войны, трудиться в продовольственном ведомстве при Петросовете.

Он вскоре женился на машинистке ведомства и со временем произвел трёх сыновей. Старший сын погиб в ополчении под Ленинградом, средний умер от воспаления лёгких

Над уцелевшим Серёженькой мама дрожала и трепетала до потери здравого смысла. Ему всё позволялось, всё прощалось. Ему покупалось всё самое лучшее. И вырос из Серёженьки приличный раздолбай и жуткий эгоист.

Он на хилые тройки закончил десятилетку и поступил в Текстильный институт, в котором тоже знаниями не блистал.

Знаниями не блистал, но зато высоко котирировался в девичьей среде института как неутомимый кавалер, имевший приличные физические данные.

Прошалопаивничав четыре года, он выпустился из института законченным циником по отношению к прекрасной половине человечества и алчным любителем спиртных напитков.

Вот такое чудо голубых кровей свалилось на лабораторию машин очистки городских территорий. О том, что свалившееся чудо есть потомок русских князей, никто в институте не догадывался, а сам Ленский предпочитал об этом помалкивать. Это сейчас наши нувориши кинулись к графьям примазываться. В советское время выгоднее было примазываться к выходцам от плуга и наковальни.

Выпускнику текстильного института поручили разрабатывать тротуароуборочные машины. Чем начальство думало, непонятно. Тротуароуборочная машина – это очень сложный агрегат. Опытному-то инженеру довольно трудно заставить этот агрегат выполнять противоречивые функции (подметание, поливка, сгребание снега, погрузка его в транспортное средства, пескопосыпка). А тут неопытный неофит! Правда, в наставники ему назначили Барсукова, хотя тоже не ахти какого специалиста по тротуароуборочным машинам, но всё-таки имевшего большой инженерный опыт.

Вообще-то любая коммунальная машина – это хохма на колёсиках. Что подметалки, что поливалки, что пескоразбрасыватели, что машины для уборки снега. И вот почему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.